

Чувашские сказки

Как река началась

Жила-была бедная вдова с сыном Мишуком. Ютились они в старенькой избенке, хорошо если хлеба до нового года хватало, а летом ягодами да грибами перебивались.

Как-то, после теплого дождя, пошла старуха в лес за грибами. Ходила, ходила – ни одного гриба не нашла. «Не с пустыми же руками домой возвращаться, – подумала она. – Дай хоть хворосту наберу».

Начала собирать хворост и набрела на охапку сухого валежника. Подняла ее, видит – на земле большой уж кольцом свернулся, на голове рожки желтеют.

Старуха, не мешкая, сняла передник и разостлала его рядом с ужом. Тот заполз на передник, поизвивался на нем, а потом, оставив желтенькие рожки, уполз в кусты.

Старуха тут же завязала узелком передник с рожками и, довольная, побежала домой. Приходит домой, рассказывает сыну о своей находке.

– Чему ты радуешься? – спросил ее Мишук. – Какой в них прок?

– По молодости да по глупости ты еще не знаешь, что вместе с этими рожками нам в дом счастье привалило, – отвечает мать. – Они же не простые, а волшебные. Положи их в сусек с зерном – сколько потом не бери, хлеб убывать не станет, в кошелек сунешь рожки – в деньгах убыли не будет, сколько ни расходуй.

Решили они начать с денег. Достал Мишук кошелек, пересчитал деньги. Денег было немного, всего каких-то семь рублей.

Наутро пошел Мишук на базар. Походил по базару, к тому, другому приценяется, а тратить деньги не торопится: ну-ка истратишь, а они не восполнятся?! Потом приглядел себе сапоги со скрипом и – была не была! – отдал за них три рубля. Купил сапоги, отошел в сторонку, заглянул в кошелек, а там как было семь рублей, так и осталось.

На эти же семь рублей они и дом новый просторный построили, и амбар, и сарай, скотины всякой накупили. Одним словом, стали жить не хуже других деревенских богатеев. Мишук не только в праздники, но и по будням носил свои сапоги со скрипом. Парни-сверстники так и прозвали его Мишук в сапогах.

Стукнуло Мишуку двадцать лет, пора жениться. Высватала ему мать дочь богатых родителей.

Свадьбу спровоцировали честь по чести.

Люди дивились: откуда у бедной вдовы и ее сына взялось такое богатство. Но мать с сыном не то что чужим, своей невестке и то ничего про чудесные рожки не говорили!

Пришла зима, а зимой главное дело для девок и баб – пря-денье. Села за пряжу и молодуха. Чтобы невестка напряла побольше, свекровь взяла да незаметно и сунула ей в кудель чудесные рожки. Невестка день прядет, второй, третий, а мочки кудели не только не кончается, а даже не убывает. «Вот беда-то, – думает молодуха. – Люди смеяться начнут: одну мочку за три дня осилить не могут». И когда на четвертый день свекровь затопила печь, а сама вышла по какой-то надобности к соседке, молодайка, недолго думая, сняла кудель с гребня и кинула ее в огонь. А чтобы свекровь не догадалась, достала новую мочку.

Приходит свекровь от соседки и дивится, что дрова в печке как горели так и горят, не убывают.

Пора бы уж и хлебы в печь сажать, а только как их в пламя посадишь.

– Ты, сношенька, кончила свою кудель прядь? – почувствовав неладное, спросила свекровь.

– Нет, еще не допряла, – ответила молодайка.

А время подходит к обеду. Сын домой пришел. Печь же как топилась, так и топится, дрова все еще не прогорают. Тут уж и невестка что-то понимать начала и призналась:

– Я в печку кудель бросила, уж не оттого ли огонь не убывает?

– Эх, сношенька, сношенька, что ты наделала! – заголосила старуха. – Ты же погубила-разорила

нас. Хватайте ведра, таскайте воду. Тушите огонь в печи!

Сын сразу понял мать, схватил ведра и к колодцу. Невестка тоже ему помогать принялась. Они воду таскают, а мать ее в печь на огонь выливает. Лили, лили, насилиу потушили. Однако огонь погас – новая напасть: полилась из печки вода. Час течет, два, полдня течет. Уже и избу всю залило и подворье затопило. Из избы да со двора потекла вода по овражку дальше да дальше, и с каждым часом ее становилось больше и больше.

Эта-то вода, сказывают старые люди, и дала начало большой реке, которая и по сей день течет по чuvашской земле.